

ПОНИМАНИЕ ИСТИНЫ В ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРАВА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПОЗНАНИЯ

Статья посвящена спорному научному вопросу современного понимания истины в процессуальных отраслях права.

Вопрос об установлении объективной истины как цели доказывания в процессе рассмотрения и разрешения дела поднимался неоднократно. Для русской правовой науки конца XIX – начала XX века характерно было отрицание объективной истины, отрицание возможности ее достижения в области судебной деятельности. При этом правоведы ссылались на особенности судебного исследования, которые, по их мнению, позволяет установить только юридическую, формальную истину, или же распространяли на деятельность суда общие положения агностицизма о невозможности познания объективной действительности. И.В. Михайловский (1905) указывал: «Задачей всякою, а значит и уголовного суда должно быть не стремление к отысканию безусловной, материальной истины, а стремление к истине юридической». Н.Н. Розин, В. Случевский, Д.Г. Тальберг, С.И. Викторский, С.В. Познышев также придерживались этой позиции. «О полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования, и в делах судебных судья вынужден по несовершенству средств человеческого правосудия удовлетворяться по необходимости лишь более или менее высокой степенью вероятности». И.Я. Фойницкий считал возможным и необходимым установление истины, истины практической, которую он сравнивал с истиной научной: «...Истина практическая, как конкретная, частная, может быть познаваема при менее сложных условиях и приемах, чем истина научная, общая, знание которой неполно, а потому и недостаточно, если оно не обнимает ее во всей ее общности» [1]. Западные ученые придерживаются также необходимости и возможности достижения только формальной истины. В частности, А.М. Уилшер писал (1947) о том, что «даже в делах уголовных не является необходимым представление доказательств настолько решительных, чтобы они не оставляли никакого со-

мнения». Радбух, Цу-Дон, Г. Ноукс также считали возможным достижение только формальной истины.

В советской уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной науке господствовала доктрина необходимости и возможности установления объективной материальной истины. В частности, авторы теории доказательств указывали на то, что в уголовном процессе следователь, прокурор, суд познают, доказывают только строго определенную часть того, что произошло, и в тех пределах, которые необходимы для выполнения стоящих перед ним задач: раскрыть преступление, установить виновных и обеспечить справедливость наказания, назначаемого судом. Именно в этом смысле достигаемая истина является истиной относительной. В то же время требование ст. 20 УПК РСФСР о необходимости полного объективного и всестороннего установления обстоятельств дела, а также требование ч. 1 ст. 14 ГПК РСФСР предполагали установление истины объективной: «Суд обязан, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон». В гражданско-процессуальной литературе высказывается мнение о том, что принцип объективной истины действовал до 1996 года, – И.В. Решетникова. Однако при этом часть авторов настаивают на том, что «ложная идея, что по современному гражданско-процессуальному праву России перед судом не ставится цель получения верного знания о фактических обстоятельствах дела, повторяется в работах и других авторов» (М.К. Треушников). Однако А.Т. Боннер, М.К. Треушников, Э.М. Мурадян, С.Ф. Афанасьев считают необходимым и возможным достижение истины в гражданском производстве. И.В. Решетникова, И.Г. Медведев

считают, что достижение истины нельзя считать целью доказывания. Например, И.В. Решетникова указывает: «...Цель гражданско-процессуального доказывания как единого процесса познания – разрешение гражданского дела или совершение процессуального действия на основе установления обстоятельств, имеющих значение для дела или для совершения процессуального действия». В уголовно-процессуальной науке также нет единства взглядов на необходимость и возможность достижения истины в уголовном процессе. В частности, Е. Мизулина не считает необходимым установление истины по уголовному делу, и именно эта идея была заложена в УПК РФ. О необходимости установления процессуальной, формальной, а не объективной материальной истины пишут В.М. Бозров и А.П. Гуськова. Иной позиции придерживаются такие ученые, как В.А. Азаров, З.Д. Еникеев, З.З. Зинатуллин, Г.А. Печников. Они отстаивают позицию о том, что целью доказывания в уголовном процессе является объективная истина.

Представляется, что сложность вопроса заключается в самом понимании истины в уголовном процессе. Так, только в философии мы сталкиваемся с несколькими понятиями истины. Очень убедительно это показала А.Г. Коваленко в своей работе «Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве». В частности, она приводит понимание истины в философии. Интересно проследить понятие истины в зависимости от гносеологической модели познания. Н.В. Брянник вводит в научный оборот понятия гносеологических моделей, в рамки которых укладываются любые воззрения на природу познавательной деятельности, на знание и истину. В соответствии с первой, объективистской – реалистской моделью истина – это та мера, в соответствии с которой устанавливается соответствие нашего знания подлинной природе самих вещей. Эта модель замешана на учении Аристотеля, Платона, развита и продолжена Марксом и Лениным. Вторая гносеологическая модель – конструкционистская – трактует истину как то, что находится в полном ведении субъекта и замыкается в кругу его деятельности. По Канту, истина представляет собой согласованность знаний с законами мыслительно-

рассудочной деятельности, а соответственно заблуждение – несогласованность знаний с законами рассудка. Позицию Беркли можно определить как расхождение (рассогласованность) принадлежащих знанию положений с законами логики, и это ставит под сомнение вопрос об их истине. В соответствии с символической гносеологической моделью истина является подлинным свидетельством слияния энергий двух центров бытия – познаваемого и познающего, отсюда истинное означает подлинное: «лишь словом... разрешается познавательный процесс, объективируется то, что было до слова еще субъективным и даже нам самим не являлось как познанная истина». Если говорить о трактовке объективной истины в процессуальном праве, то в этом случае под объективной истиной понимают также различные вещи. Так в литературе утверждается, что истина должна носить объективный и абсолютный характер (А.А. Старченко). Истина объективна и сочетает в себе элементы абсолютной и относительной истины в единстве (Д.М. Чечот), категории абсолютной и относительной истины неприемлемы для судебного познания (Л.А. Ривлин, М.Л. Якуб, О.В. Иванов). А.Г. Коваленко справедливо считает, что юридическая наука и практика, дифференцируя фактическую и правовую стороны рассматриваемых судебных дел, давно, помимо судебной истины, оперируют понятиями истины факта, материальной истины, процессуальной, формальной истины, истины права, которые у разных авторов несут своеобразие подхода исследователя к анализируемой проблеме.

Авторы, которые отстаивают необходимость и возможность установления истины процессуальной, говорят о том, что в судебном доказывании нет необходимости устанавливать истину объективную, достаточно только ее установить в тех пределах, в которых это требует предмет доказывания. Представляется, что в данном случае смешиваются понятия объективности и пределов доказывания. Объективность истины означает, что устанавливаемые обстоятельства соответствуют действительно произошедшим, а доказательства адекватно отражают обстоятельства. Процессуальность истины означает, что событие устанавливается не бесконечно, в деталях и во всех связях. Для доказыва-

ния берется только тот фрагмент действительности, который имеет юридическое значение: материальное или процессуальное. В уголовном процессе установлению, в частности, подлежат только обстоятельства, которые необходимы для правильной квалификации деяния, назначения наказания, т. е. разрешения дела по существу. И в этом смысле истина процессуальна, но установление обстоятельств соответствует действительности, сознание субъектов доказывания правильно и адекватно на основе изучения доказательств сформировало образ обстоятельств, подлежащих доказыванию. И в этом смысле истина объективна. Истина – это мерило соответствия нашего знания тем обстоятельствам дела, которые устанавливаются, и вопрос об объективности установления этих обстоятельств не должен вызывать сомнения. «Проблема истины – это проблема объективности человеческого знания» [2].

Своеобразной точки зрения придерживается А.С. Александров. В частности он пишет: «Судебная истина является вероятным знанием, поскольку построена на правдоподобию, доступном здравому смыслу. Судебная истина – есть знание о преступлении, преступнике и наказании, которое аудитория готова признать как истинное. Она юридически формальна, потому, что достижение, лежащей в ее основе договоренности (оратора с аудиторией) во многом определено (и упрощено) обязательными для всех участников судебного разбирательства правилами. А любая норма закона – это презумпция. И вместе с тем, это нравственная идеологическая истина, поскольку выявляется она по совести судьи (присяжным) как членом языкового сообщества (универсальной аудитории), связанным общими представлениями о том, что ложно, что истинно и ложно, что плохо и хорошо» [3]. Такой вывод профессор делает на основе не всегда правильного и однозначного употребления законодателем категорий «данные», «сведения», «обстоятельства дела», «факт». Такая трактовка истины, безусловно, имеет право на существование и укладывается в основную гносеологическую модель, которая известна под названием «символическая». В частности, сторонники этой модели связывают истину с культурой, так как на познавательную деятельность су-

щественное влияние оказывает культура, прежде всего языковая. Сущность культуры раскрывается через два понимания: 1) культура есть полагание смысла; 2) культура есть знаковая система. Знания в соответствии с этой моделью – это символистическая реальность, являющая в смысловых образах сущность познаваемого. Причем символисты признают объективность истины, выраженной через знаки и символы [4]. В частности, Э. Кассирер указывает: «...Приобретение знака в процессе имманентного развития духа всегда составляет первый и необходимый шаг в приобретении необходимого объективного знания сущности» [5]. В этом смысле нельзя согласиться с А.С. Александровым, который считает, что «...нет разницы между объективной реальностью и ее знаками, с которыми имеют дело участники уголовного судопроизводства». Слово, язык – это внешняя оболочка мысли, материально-знаковый носитель знания. Если и определять истину так, скорее через категорию «знание», и в этом случае мы сделаем акцент на субъекте познания (доказывания). Представляется, что понимание истины с точки зрения А.С. Александрова характерно для рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей, так как в их восприятии все то, что говорится в судебном заседании, не что иное, как объективная реальность, которую необходимо констатировать.

Сущность второй гносеологической модели – конструкционистской – заключается в том, что в ней делается акцент на субъекта познания. Знание в соответствии с этой моделью – это сконструированный познаваемый предмет, продукт познавательной деятельности, это мысленная модель изучаемого объекта. Это то, что отражается в сознании субъектов доказывания. Представляется – эта модель познания применима к деятельности следователя на этапе предварительного расследования, так как его деятельность по установлению обстоятельств дела обладает следующими характерными чертами: 1) психологически – это деятельность является обвинительной. Несмотря на то, что следователь должен устанавливать все обстоятельства дела, в том числе и оправдывающие (ст. 73 УПК РФ), психологически он настроен на **изобличение виновного и раскры-**

тие преступления; 2) деятельность осуществляется единолично, и практически нет возможности критически проверить правильность модели, образа преступления, которые сформировались у следователя; 3) свою модель преступления следователь излагает в обвинительном заключении. И только прокурор (также с психологически обвинительной направленностью), утверждая его, проверяет достаточность ресурсов (доказательств) сформированной модели для рассмотрения дела в суде. Представляется, что отсутствие стадийности в гражданском процессе также предопределяет элементы конструктивистской модели истины в процессе осуществления гражданского судопроизводства. Но говорить о субъективизме судьи было бы крайней позицией. Скорее в речевой, прежде всего, деятельности сторон и преимущественно пассивной позиции суда в гражданском процессе проявляется символическая модель истины.

Первая, гносеологическая модель познания делает акцент в понимании истины на соответствии нашего знания объекту познания. Главное – это объект познания, который необходимо познать с помощью ресурсов (средств познания, доказательств) и проверить соответствие нашего знания действительности. Эта модель и понимание истины характерно для всего уголовного судопроизводства в целом, так как ту модель, которую выстроил следователь в условиях непосредственности, в том числе и с помощью осмотров, допросов, экспертиз, проверяет суд. И именно поэтому так опасно забвение на практике принципа непосредственности исследования доказательств в условиях состязания сторон, в условиях спора. Состязательность не влечет за собой теорию формальной истины, она предполагает установление объективной истины в рамках юридического процесса.

При анализе проблемы истины в процессуальном доказывании необходимо учитывать следующие моменты: 1) деятельность по доказыванию – это деятельность, которая сочетает в себе три элемента: а) практическую деятельность; б) логическую деятельность; в) психологическую (что означает убедил – значит доказал); 2) над доказыванием довлеют субъективные интересы сторон, даже в публичном уголовном процессе – это тоже интересы. В связи с этим Маркс утверждал, что если бы математические аксиомы задевали интересы людей, они наверняка опровергались бы, и «самое научное» знание неотделимо от такого убеждения. А.Г. Коваленко справедливо говорит о том, что над судебным познанием довлеет тяжесть максимального бремени субъективных факторов; 3) определяя истину в процессе, необходимо считать ее категорией не научной, а весьма практичной, конкретной, которая включает в себя как вопросы факта, так и вопросы права, и в этом смысле соединяя как объективистско-реалистскую, так и конструкционистскую, так и символистическую модели понимания истины.

Представляется, что под истиной в судебном познании (доказывании) необходимо понимать соответствие решений, принятых по делу, тем обстоятельствам, которые подлежали установлению и оценке для принятия этих решений на основе соответствующих (отражающих) эти обстоятельства доказательств.

Таким образом, под истиной необходимо понимать правильное, адекватное отражение доказательствами обстоятельств дела, правильную оценку доказательств субъектами доказывания, а также соответствие решений по делу нормам права или общим принципам.

Список использованной литературы:

1. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – Спб., 1996. – С. 167.
2. Бряник, Н.В. Введение в современную теорию познания: учебное пособие – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – С. 212.
3. Александров, А.С. О методологических следствиях, вызываемых терминологическими причинами (из опыта прочтения текста УПК РФ) / Правоведение. – №5. – 2005. – С. 18.
4. Бряник, Н.В. Введение в современную теорию познания: учебное пособие – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – С. 212.
5. Кассирер, Э. Философия символических форм: введение и постановка проблемы // Культурология — XX век. Антология. – М., 1995. – С. 168.